

Пятый принц и господин Ли не стали возвращаться в поместье Фэн: дождались рассвета и отправились к императорскому двору прямо из благовонной лавки. В момент их ухода первые слуги едва-едва начинали копошиться и тихо переговариваться в хозяйственных помещениях, потому молодые люди остались ими незамеченными. Даосы в переулок за лавкой пригнали повозку из поместья Фу Ичжэня, и в ней господин Ли и Пятый принц добрались до императорского дворца. На воротах гвардейцы по привычке не стали останавливать экипаж со знаками Его Высочества для досмотра, но сквозь поднятые бамбуковые занавеси на маленьких окошках, через которые холодный зимний воздух попадал внутрь, увидели в экипаже принца незнакомый гордый профиль — событие, на самом деле, необычное.

Господину Ли было все равно на чужие домыслы. Дело, что они взялись раскрыть, было необычным, потому Пятый принц заранее передал Императору о своем визите: пока прочие министры собирались в главном зале и приветствовали друг друга, Ли Инчуня и Фу Ичжэня отозвал в сторону доверенный евнух Императора и повел в малый кабинет, что располагался за залом собраний. Переход был с ночи покрыт скользким инеем, и служанки с красными от холода руками смоченными в горячей воде тряпками мыли его и насухо вытирали, чтобы Император мог чинно и величественно проследовать здесь. На евнуха они вначале и не обратили внимания, но, услышав стук трости, на которую опирался господин Ли, невольно вскинули взгляды. Этого человека, служа в Запретном городе, они прежде не видели. Кроме того, идущий с ним рядом Пятый принц тоже не был желанным гостем Императора. Он, однако, этого будто не смутился:

— Еще только раннее утро, а ты бодр и свеж, — говорил он семящему впереди евнуху. Тот шел по привычке чуть согнув спину и в одной руке держа метелку из конского волоса. Услышав слова принца, мужчина улыбнулся дежурной улыбкой. — Неужели во дворце тоже отказались от сна и пищи?

— Что вы, Ваше Высочество, только заклинателям доступна такая милость, — сказал евнух, не замедляя шага. — Мы же, простые люди, просто трудимся в меру своих скромных возможностей.

— Ты слишком скромен, — отмахнулся принца. — Только глухой не слышал, как дорожит тобою отец-Император, и как ценит твою помощь. Как его сын я рад, что у него есть такой верный слуга.

— Этот человек не достоин добрых слов Вашего Высочества, — ответил евнух и на этом разговор между ними был закончен. Фу Ичжэню не следовало говорить больше, чтобы никто не подумал, что он сманивает слугу отца, а евнуху — отвечать, чтобы не поползли слухи о том, что он поддался сманиванию. Оба этих человека знали друг друга довольно поверхностно, но испытывали необъяснимую, беспричинную симпатию — однако распространить ее в этой жизни было нельзя.

Наконец перед молодыми людьми предстали двери императорского кабинета, выполненные из красного дерева. На обеих створках был изображен взмывающий в небо феникс, а с двух сторон стояли, опустив головы, неподвижные евнухи. Одежды их были синего цвета и оторочены по рукавам и вороту узорчатой тканью — но от неподвижной позы казалось, словно они сливаются со стенами кабинета. Главный евнух вошел внутрь, чтобы доложить Императору, и вскоре вернулся, показав молодым людям следовать за собой.

Кабинет был выполнен в темных тонах, навевающих атмосферу мрачную и серьезную. В этот час еще было темно, потому горели лампы, мягкими лоскутами света освещая массивный стол, полки с книгами и редкие картины, каких не найти было нигде в мире. Выйдя в центр комнаты,

Фу Ичжэнь и Ли Инчунь опустились на колени: только у принца это вышло быстро и ловко, а господин Ли из-за трости и больной ноги замялся. Император, что сидел за столом и в скромных темных одеждах будто сам представлял собою часть этого гнетущего кабинета, бросил поверх бумаг взгляд на молодых людей и небрежно сказал Ли Инчуню:

— Оставьте.

Молодой человек замер, оставшись стоять рядом с опустившимся на колени Пятым принцем. Впервые с момента их знакомства господину Ли совсем над этой ситуацией не хотелось шутить: очень просто и действительно Его Величество показал, что своего пятого сына ценит куда меньше, чем случайного чиновника. Лишь через долгое мгновение Фу Ичжэню позволили подняться.

— Нам доложили о случившемся этой ночью, — неторопливо сказал Император. Лицо его не имело особенного выражения, но из-за серьезности слов казалось, что мужчина хмур. — Как вы объяснитесь?

— Этот слуга начнет издалека, — ответил Ли Инчунь. Его яркие глаза смотрели прямо на Императора без страха, но с почтительностью, а слова были четкими и точными. — Дело, что Ваше Величество поручил этому слуге, с самого начала вызывало во мне сомнения. Откуда бы в процветающей столице взяться варварам? Носить с собой верительный жетон, строить козни — эти варвары либо по глупости не боятся неба, либо не понимают его высоты.

— Кровь северных племен горяча, — сказал Император: не понять было, с насмешкой, или с уважением. Господин Ли согласился с ним.

— Это так. И все же что-то не давало мне покоя. Следуя своему намерению, я решил проверить труп почившего человека, а также место его убийства. Кроме того, я поговорил с людьми, что его знали, и у всех у них один ответ — убитый не был похож на того, кто сговорился бы с варварами.

— И что же вы предприняли?

— Помог счастливый случай, — легкомысленно отозвался Ли Инчунь. — Вчерашним утром ко мне пришла девушка, что работает в благовонной лавке, и попросила совета. Молодой господин с большим влиянием приглашал ее вечером к себе, но девушка не хотела идти. Так вышло, что когда-то от этого молодого господина ее защитил приютивший меня господин Фэн — потому девушка искала его защиты. Пока молодой господин болен, я взялся ей помогать.

— Его болезнь все так же серьезна? — неожиданно спросил Император. Господина Ли этот вопрос застал врасплох лишь на краткое мгновение: тут же он благодарно улыбнулся и склонил голову:

— Люди Вашего Величества благословлены великим благом, раз имеют такого чуткого правителя. Молодой господин медленно выздоравливает, вскоре он уже придет в себя.

Император неопределенно кивнул. После мгновения молчания, благовонным дымом повисшего в комнате, он поднял на Ли Инчуня взгляд и тот понятиливо продолжил:

— Вышло так, что я немного знаком с молодым господином, который заинтересовался служанкой из благовонной лавки, и знаю, что так грубо он поступать бы не стал. С помощью Его Высочества Пятого принца мы сами пошли на встречу, чтобы посмотреть, но там вместо молодого господина нас ждали убийцы. При себе у них был жетон варварских племен и

записка, которую должны были найти при девушке. Полагаю они рассчитывали, что этим утром ее труп обнаружат стражники, доложат Вашему Величеству и внесут еще большую смуту. Должно было выйти так, словно варвары не поделили что-то меж собой и убили посланницу.

Только теперь тонкие брови Императора, похожие на лезвия мечей, сурово нахмурились. Выражение его было полно не злобы, но величия, какое полагается Сыну Дракона. От атмосферы ли кабинета, мрачных предрассветных сумерек или образа правителя, но в животах смотрящих возникал почтительный трепет.

Не став дожидаться вопроса, господин Ли продолжил:

— То были люди из министерства войны. Едва мы стали задавать вопросы, как главный среди них проглотил яд, убив себя. Остальных мы привели на суд Вашему Величеству.

Некоторое время Император думал. Он опустил взгляд к бумагам, над которыми работал, и от этого положения темные тени легли на его глубоко посаженные глаза — казалось, словно перед молодыми людьми решает чужие судьбы древний демон.

Наконец он сказал ожидающему у дверей главному евнуху:

— Приведи хоу.

Никто не посмел возражать. Евнух тут же, пятясь задом, покинул кабинет, и господин Ли чуть повернул голову, чтобы проводить его взглядом. Император между тем сказал:

— Заговор между моими же людьми... Господин Ли уверен, что в этом не замешаны варвары?

— Более чем, — прямо сказал Ли Инчунь. — Силами Вашего Величества они были разгромлены несколько лет назад, и не скоро еще оправятся от потрясения. Сейчас селения ушли дальше от границ, в степи, и прежде, чем они начали бы учинять безобразия в столице, непременно устроили бы переполох на границах Центральных равнин. Этот слуга думает так.

— В ваших словах есть истина, — кивнул Император. Неожиданно он спросил: — Где обучался господин Ли? В императорской академии?

Конечно, не стоило и думать об этом: ведь если Ли Инчунь в самом деле учился бы там, то на выпуске его невозможно было бы не заметить. Господин Ли опустил взгляд и покорно сказал:

— Я обучался у домашнего учителя, а сейчас милостью господина Фэна у меня есть наставник, сдавший государственный экзамен и рассказывающий мне о порядках столицы. За свои знания я могу благодарить только их.

Фу Ичжэнь, все это время стоявший на шаг позади Ли Инчуня и, опустив взгляд, слушающий его слова, подивился чужому красноречию. На его памяти не было такого, чтобы господин Ли благодарил кого-то или искренне в ком-то нуждался, но поглядите на него сейчас! Вежлив, почтителен к предкам и учителям, умен, но кроток — идеал конфуцианского чиновника, сравнить которого можно только с Шань Тао! Тот ли это был Ли Инчунь, который дерзил и ехидничал с принцем, словно со старым другом? Тот ли, который запал принцу в сердце?

Императору, напротив, слова господина Ли очень понравились. Он, откинувшись в кресле с резной спинкой, кивнул головой, о чем-то рассуждая. Тут же мужчина спросил:

— Если молодой господин Фэн столько сделал для вас, отчего вы не поддерживаете его?

«А поддерживаете моего нежеланного Пятого сына» — таков был истинный смысл вопроса. Вновь Его Величество показывал свое отношение к этому ребенку, не стесняясь ни чужого человека, ни его самого. Иной Император был бы рад несколькими сыновьям, что все выросли крепкими и достойными людьми, этот же пережил во времена своей молодости кровопролитную борьбу за власть, потому не желал допустить такого между своими детьми. Покойная Императрица была не единственной, но дорогой женщиной в его сердце, и Император в день ее смерти обещал сделать все, чтобы трон заняли Второй или Третий принцы — Пятый здесь был лишним.

В своей душе Ли Инчунь подумал: «Потому что Фу Ичжэнь куда симпатичнее», но ответил, конечно, как полагается в таких скользких ситуациях. Он опустил взгляд и с деланным смущением сказал:

— Все мы слуги Вашего Величества, и единственное мое желание — помогать вам в любых делах. И Его Высочество, и господин Фэн думают о том же, потому мы с ними сдружились.

— Хм, — ответил Император с явным удовольствием.

Наконец за дверью послышал шаги: одни мягкие и торопливые, какие были у евнухов, а другие широкие и тяжелые, выдающие военную выправку. Звук этих шагов по вычищенному деревянному полу пробудил в душе господина Ли некоторые неприятные воспоминания, и колени его ослабели — но, опираясь на трость, он легко устоял, лишь немного покачнувшись. В кабинете только Фу Ичжэнь заметил момент его слабости.

Двери открылись, показавшийся евнух негромко объявил:

— Цзяннаньский хоу прибыл по приказанию Вашего Величества.

Император милостиво кивнул:

— Пусть входит.

Евнух семенящими шагами отошел в сторону и в широко распахнутых дверях на фоне неба, что только-только начинало тлеть рассветом, показался Пань Тань. Он был облачен в тяжелые одежды с меховым воротником и узкими рукавами, какие носили обычно на северных границах. Весь образ генерала был суровым и величественным, но в нескольких прядях черных волос, выбившихся из низкого пучка, и расслабленном выражении лица чувствовался уют, какой бывает у любимого дома человека. Это был генерал во всех отношениях достойный называться примером для подражания — кроме, пожалуй, отношения к своим врагам.

— Генерал, — приветствовал Император с теплотой в голосе. Пань Тань, не боясь испортить дорогих одежд, ловко опустился на колени и поклонился:

— Этот слуга приветствует Ваше Величество!

— Поднимись, — милостиво сказал Император. Встав на ноги, Пань Тань поглядел на Пятого принца и стоящего рядом с ним господина Ли: но не выдал истинных своих чувств выражением лица. Он демонстрировал интерес и легкую озадаченность, какая бывает у человека ни в чем не виновного. Его Величество не стал долго тянуть: — Генерал Пань, вопрос, что мы хотим обсудить, связан с порученным вам расследованием. Удалось ли разыскать что-то новое?

— Простите этого слугу, Ваше Величество, — опустив голову, повинился Генерал. Ясно было как день, что Император что-то знает, и в самом деле лучшей тактикой здесь было прикинуться незнающим. Господин Ли мог это понять.

— Ничего, — милостиво ответил Император. — Теперь я понимаю, что дело это в самом деле необычное... Этой ночью господин Ли поймал заговорщиков из министерства войны, которые хотели все выставить так, будто в столице творят бесчинства варвары.

— Министерства войны? — словно не веря своим ушам, повторил Пань Тань и его тонкие брови удивленно приподнялись, делая грозное прежде лицо растерянным. Казалось он в самом деле искренне поражен этой новостью.

Император спросил:

— Во время расследования вы не нашли улики, что указывали бы на это?

Цзяньняньский хоу и сам относился к министерству войны и вопрос Его Величества, заданный тоном спокойным и даже чуть скучающим, для него мог обернуться обвинением в измене. Пань Тань опустил на колени и торопливо сказал:

— Ваше Величество, мне ничего не было об этом известно. Я приложу все силы чтобы...

— Наши люди допросят злодеев и выведают правду, — прервал Император. Господин Ли тут же, не дав хоу шанса оправдаться, добавил:

— Ваше Величество, перед отравлением один из заговорщиков стремился опорочить имя Его Высочества Пятого принца, обвинив его в произошедшем: другие наверняка попробуют поступить так же. Без Его Высочества минувшей ночью мой план бы потерпел крах, потому я прошу Ваше Величество не верить их лживым речам.

В голосе Ли Инчуня была обеспокоенность и вера, какие бывают у верных подданных: Цзяньняньский хоу бросил на него быстрый взгляд, но ничего не сказал. Император нехотя кивнул:

— Мы разберемся в этом деле со всей тщательностью. Теперь оно касается не внешних дел, а внутренних министерств, потому дальнейшим расследованием займутся наши люди, — Император осмотрел Пань Таня и господина Ли, что рядом выглядели до смешного разными. — Мы благодарим вас за службу.

У верных подданных после таких слов не было права спорить со словами Его Величества, потому Пятый принц приготовился уже отдать положенные поклоны и наконец уйти — но неожиданно господин Ли, стоявший рядом с ним, не шелохнулся. Раздался голос юноши:

— Если в шести министерствах Вашего Величества появился предатель, то найти его — первостепенная задача для каждого вашего подданного. Этот слуга будет рад приложить все силы, чтобы вам помочь. К тому же кто знает, — сказал господин Ли и сделал паузу, ни на кого конкретного не смотря — но намекая так прямо, что становилось неловко. — Может, предатель куда ближе, чем кажется.

Император не был готов к такой дерзости, потому прежде, чем он успел состроить раздраженное выражение, на губах его появилась усмешка. Пятый принц потянул господина Ли за рукав, призывая его закрыть рот, и заставил поклониться.

— И господи Ли, и этот принц придут по первому зову Вашего Величества, — сказал он, не поднимая глаз. — Позвольте идти?

Император молчал долгое мгновение, а после кивнул:

— Позволяю.

Фу Ичжэнь чувствовал, как господин Ли рвется сказать что-то еще, потому, схватив его за запястье, спешно утянул за собой, пока он не сболтнул еще чего возмутительного. Удивительно было, как человек, подобный господину Ли, в один миг из-за своей злости становился невыносимо глупым! Он старался выставить перед Его Величеством Пань Таня лжецом, но Император вряд ли по одному слову безродного министра отказался бы от своего верного генерала, а вот Ли Инчуню дерзость могла стоять головы.

Уже на улице, спеша к залу собраний, под сбитый ритм трости Ли Инчуна, Пятый принц набрал в грудь воздуха, чтобы хорошенько выговорить ему, но тут сзади раздалось тихое:

— Да, сглупил. Сам понимаю.

Фу Ичжэнь обернулся и наконец отпустил чужое запястье.

— Понимает он, — фыркнул юноша раздраженно поправляя рукава. Взгляд его стал как никогда серьезным, а голос обернулся свистящим шепотом. — Вот кто на самом деле не ведает ни высоты неба, ни толщины земли! Рядом нет нашего молодого господина, что может уболтать Императора, и чиновников, при которых он не станет зверствовать. На что ты вообще надеялся? На меня? Перед ним я тебе не защитник!

— Вот как, — ответил господин Ли. Кожа его действительно казалась подобна гранитным плитам, которыми был уложен широкий двор, медленно окрашивающийся солнцем — так же толста. Смущения Ли Инчуна хватило лишь на миг, а после он улыбнулся принцу: — Так стань им для меня.

Фу Ичжэнь решился дара речи. Лицо его, почти по-женски миловидное, приобрело растерянное выражение, в котором он казался еще более молодым.

— Ты... — едва смог выдать юноша. — Совсем страха не знаешь?

— Нет? — переспросил Ли Инчунь и пожал плечами. Он поудобнее перехватил трость и неспешно направился к залу собраний. — Тогда и ругать меня у Твоего Высочества никакого права нет.

Маленький театр:

Фу Ичжэнь: ...

Фу Ичжэнь: ...не понимаю, зол я, или возбужден.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод